

pocket**book**

pocket**book**

ЙОЗЕФ РОТ

Марш Радецкого

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Авс)
Р 79

Перевод с немецкого *H. Ман, Ю. Архипова*

Оформление серии *A. Саукова*

В оформлении обложки использована репродукция
рисунка «Soldier and a Young Girl Drinking New Wine»
художника Felicien baron de Myrbach-Rheinfeld
(1853–1940 гг.): Wien Museum Karlsplatz,
Vienna, Austria / Bridgeman Art Library / Fotodom

Рот, Йозеф.

Р 79 Марш Радецкого : [пер. с нем.] / Йозеф Рот. —
Москва : Эксмо, 2014. — 480 с.

ISBN 978-5-699-75863-0

Австрийский писатель Йозеф Рот (1894—1939) — по словам Стефана Цвайга, «настоящий художник», «трезвый наблюдатель своей эпохи», «любая страница, любая строка отшлифована у него, как стихотворная строфа, с тончайшим чувством ритма и мелодики». «Марш Радецкого» — «книга прощания, грустная и пророческая» — о трех поколениях офицерской семьи (действие происходит между битвой при Сольферино и Первой мировой войной) и постепенном угасании культуры уходящей в прошлое империи. Марш Радецкого И. Штрауса-старшего — хит уходящей эпохи, звучавший и на военных парадах, и в борделях, — превращается в символ гибели прежнего мира.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Авс)

© Архипов Ю., перевод на русский язык,
2014

© Ман Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2014

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-699-75863-0 ООО «Издательство «Эксмо», 2014

МАРШ РАДЕЦКОГО

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Тротта были молодым родом. Их предок получил дворянство после битвы при Сольферино. Он был словенцем. Сиполье — название деревни, откуда он происходил — стало его гербовым именем. К необыкновенному деянию был он предначен судьбой. Но сам позаботился о том, чтобы имя его изгладилось в памяти потомства.

В битве при Сольферино он, в чине пехотного лейтенанта, командовал взводом. Уже полчаса, как продолжался бой. В трех шагах от себя он видел белые спины своих солдат. Первая шеренга его взвода стреляла с колена, вторая — стоя. Все были бодры и уверены в победе. Они плотно поели и выпили водки за счет и в честь императора, который со вчерашнего дня присутствовал на поле битвы. То тут, то там один из цепи падал. Тротта спешил заполнить собой каждую образовавшуюся брешь и стрелял из осиротевшего оружия убитого или раненого. Он то сдвигал теснее передевшую цепь, то вновь растягивал ее, вглядываясь во все стороны стократно обострившимся глазом, вслушиваясь во все стороны напряженным ухом. Сквозь ружейный треск его чуткий слух улавливал редкие звонкие команды капитана. Острый взгляд проницал сине-серый туман перед линия-

ми противника. Ни разу он не стрелял не целясь, и каждый из его выстрелов попадал в цель. Люди чувствовали его руку и его взгляд, слышали его призыв и чувствовали себя уверенно.

Противник сделал передышку. Необозримо длинную линию фронта обежала команда: «Прекратить огонь». То тут, то там еще щелкал шомпол, то тут, то там еще раздавался выстрел, запоздалый и одинокий. Сине-серый туман между фронтами слегка поредел. Внезапно все ощутили полуденное тепло серебряного затуманенного грозового солнца. Тогда между лейтенантом и спинами солдат появился император с двумя офицерами генерального штаба. Он как раз собирался поднести к глазам бинокль, протянутый ему одним из сопровождающих. Тротта понимал, что это значит; даже если допустить, что враг отступает, его арьергард, несомненно, стоит лицом к австрийцам, человек же, держащий в руке бинокль, дает ему понять, что перед ним мишень, в которую стоит попасть. И эта мишень — молодой император. Тротта почувствовал, что у него останавливается сердце. От страха перед невообразимой, безграничной катастрофой горячий озnob пробежал по его телу. Его колени дрожали. Извечное негодование младшего фронтового офицера против высоких господ из генерального штаба, не имеющих понятия о горькой практике, продиктовало лейтенанту поступок, который на веки вписал его имя в историю этого полка. Он обеими руками надавил на плечи монарха, стремясь прижать его к земле. Лейтенант, видимо, надавил слишком сильно. Император упал тотчас же. Сопровождающие бросились к упавшему.

В этот момент выстрел пробил плечо лейтенанта, тот самый выстрел, который предназначался сердцу императора. Пока тот поднимался, упал лейтенант. Повсюду, вдоль всего фронта, пробудилось суматошное и беспорядочное щелканье испуганных и вырванных из дремоты ружей. Император, невзирая на нетерпеливые просьбы своих спутников поскорее покинуть опасное место, верный своей царственной обязанности, склонился над распростертым лейтенантом, спрашивая лишившегося сознания и уже ничего не слышавшего, как его зовут. Полковой врач, санитарный унтер-офицер и двое солдат с носилками, согнув спины и опустив головы, галопом подбежали к ним. Офицеры генерального штаба сначала толкнули императора, затем сами бросились на землю. «Здесь, лейтенанта!» — крикнул император запыхавшемуся полковому врачу.

Между тем огонь снова стих. В то время как подпрапорщик, встав перед взводом, звонким голосом объявил: «Взводом командую я!» — Франц-Иосиф и его спутники поднялись, санитары бережно привязали лейтенанта к носилкам, и все двинулись назад по направлению к полковому штабу, откуда виднелась белоснежная палатка ближайшего перевязочного пункта.

Левая ключица Тротта была раздроблена. Пулю, засевшую под самой лопаткой, извлекли в присутствии высших чинов, под нечеловеческийвой раненого, которого боль пробудила от обморока.

Тротта через месяц выздоровел. Когда он вернулся в свой южно-венгерский гарнизон, он уже был обладателем капитанского чина, высочайшей из наград — ордена Марии-Терезии и дворянства.

Отныне его звали: капитан Йозеф Тротта фон Сиполье.

Каждый вечер, перед тем как заснуть, и каждое утро, пробуждаясь от сна, словно его жизнь была подменена какой-то чужой, новой, сфабрикованной в мастерской, он твердил про себя свой новый чин и новое звание и подходил к зеркалу, желая убедиться, что лицо у него прежнее. Перед неуклюжей фамильярностью, при помощи которой его приятели пытались преодолеть расстояние, неожиданно положенное между ними неисповедимой судьбой, и своими собственными тщетными усилиями с привычной непринужденностью относиться к миру новоиспеченный дворянин и капитан Тротта явно терял равновесие. Ему казалось, что отныне он на всю жизнь обречен в чужих сапогах бродить по натертому паркету, провожаемый перешептываниями и встречаемый робкими взглядами. Его дед был еще бедным крестьянином, его отец — военным писарем, впоследствии жандармским вахмистром на южной окраине империи. Потеряв глаз в схватке с босняцкими контрабандистами, он стал жить в качестве инвалида войны и паркового сторожа при Лаксенбургском дворце, кормил лебедей, подстригал живые изгороди, весной охранял ракитник, а позднее — бузину от разбойничьих злонамеренных рук, и в теплые ночи выметал бесприютные парочки с благодетельно укромных скамеек. Естественным и подобающим казался чин простого пехотного лейтенанта сыну жандармского унтер-офицера. Но для дворянина и отличенного капитана, разгуливавшего, как в золотом облаке, в чуждом, почти неуютном сиянии императорской милости,

родной отец вдруг отодвинулся куда-то вдаль, и умеренная любовь, которую сын питал к старику, стала требовать иного образа действий, иных форм общения. В течение пяти лет капитан не видел своего отца, но зато каждую вторую неделю, прияя после вечно неизменного обхода в караульное помещение, писал ему письмо при скучном и беспокойном свете служебной свечки, после того как, проверив караулы и отметив часы их смены, он вписывал в рубрику «Особые происшествия» такое энергичное и четкое «никаких», которое уже само по себе отрицало возможность особых происшествий. Как отпускные свидетельства или служебные записки, походили друг на друга и эти письма, написанные на желтоватой волокнистой четвертушке бумаги, с обращением «милый отец», проставленным слева, в четырех пальцах расстояния от верхнего края и двух — от бокового, начинающиеся с краткого уведомления о благополучии пишущего, выражавшие надежду на благополучие получателя и неизменно заканчивающиеся написанными с красной строки по диагонали от обращения словами: «с уважением Ваш преданный и благодарный сын Йозеф Тротта, лейтенант». Но теперь, когда благодаря новому чину уже не нужно нести караульной службы, ему, видимо, приходится менять рассчитанную на всю солдатскую жизнь форму письма и между нормированными строками вставлять необычные сообщения о ставших необычными обстоятельствах, которые и сам едва понимаешь. В тот тихий вечер, когда капитан Тротта впервые по выздоровлении присел к столу, изрезанному исковырянному игривыми ножами скучающих

мужчин, чтобы выполнить свой долг корреспондента, он понял, что никогда не двинется дальше обращения «милый отец!». Он прислонил неплодовитое перо к чернильнице и снял нагар с колеблющегося фитиля свечи, словно надеясь в ее успокоенном свете почерпнуть счастливую идею или подходящий оборот речи, и незаметно предался воспоминаниям о детских годах, о матери и кадетском корпусе. Он следил за гигантскими тенями, отбрасываемыми даже самыми мелкими предметами на голые, выкрашенные в синеватую краску стены, и за слегка согнутым, поблескивающим очертанием сабли, сквозь рукоятку которой был проренут шейный платок, на крюке рядом с дверью. Он прислушивался к неутомимому дождю и к песне, барабанящей по жестяному подоконнику. Наконец он поднялся, решив на следующей неделе посетить отца, после обязательной благодарственной аудиенции у императора, на которую его должны были откомандировать в самые ближайшие дни.

Неделю спустя, сразу после аудиенции, которая длилась десять коротких минут, десять минут императорской милости и десяти или двенадцати предписываемых церемониалом вопросов, ответы на которые, стоя навытяжку, следовало выпаливать не слишком громко, но решительно, как из ружья: «Так точно, ваше величество», — он поехал в фиакре к отцу в Лаксенбург. Старика он застал без мундира в кухне его казенной квартиры, за гладко обструганным непокрытым столом, на котором лежал темно-синий носовой платок с красной каймой, перед вместительной чашкой с дымящимся и благоухающим кофе. Сучковатая,

красно-коричневая палка из черешневого дерева, крючком зацепленная за край стола, тихонько покачивалась. Полуоткрытый, морщинистый, тугонабитый кожаный кисет с грубо натертым табаком лежал возле длинной трубки из обожженной и пожелтевшей глины. Капитан Йозеф Тротта фон Сиполье со своими блестящими аксельбантами, в лакированном шлеме, распространяющем некое подобие черного солнечного сияния, в тугих, до пламени начищенных высоких сапогах с сверкающими шпорами, с двумя рядами блестящих, почти пылающих пуговиц на мундире, наделенный сверхъестественным могуществом ордена Марии-Терезии, стоял среди этой привычной бедной и казенной обстановки, как некий бог войны. Так стоял сын перед отцом, который медленно поднимался с места, словно желая медлительностью приветствия подчеркнуть блеск молодого человека. Капитан Тротта поцеловал руку отца, склонил голову пониже и принял поцелуй: один в лоб, другой в щеку.

— Садись, — произнес старик. Капитан отстегнул некоторые атрибуты своего блеска и сел. — Поздравляю тебя, — сказал отец обычным голосом с твердым немецким выговором армейских славян. Гласные прорывались у него, подобно грому, а окончания он как бы отяжелял маленькими гириями. Пять лет назад он еще говорил с сыном по-словенски, хотя юноша и понимал только немногие слова, а сам не мог произнести ни единого. Но сегодня обращение на родном языке казалось старику слишком большой интимностью по отношению к сыну, благодаря милости судьбы и императора так высоко над ним вознесшемуся; и ка-

питан тщетно вглядывался в губы отца, чтобы приветствовать первый звук словенской речи, как нечто привычное и далекое, утраченное и родное.

— Поздравляю, поздравляю, — громыхая, повторял вахмистр. — В мое время так скоро дело не делалось! В мое время нас еще жучил Радецкий!

«Все кончено!» — думал капитан Тротта. Отец отделен от него высокой горой военных чинов.

— Есть у вас ракия, отец? — произнес он, чтобы поддержать последний остаток семейной общности. Они пили, чокались, снова пили, после каждого глотка отец кряхтел, заходился нескончаемым кашлем, багровел до синевы, сплевывал, медленно успокаивался и начинал рассказывать всевозможные истории из времен своей военной службы, с совершенно очевидным намерением умалить заслуги и карьеру сына. Наконец капитан встал, приложился к отцовской руке, принял отеческие поцелуи в лоб и в щеку, пристегнул саблю, надел кивер и пошел. С ясным сознанием, что видел отца последний раз в жизни...

Так оно и было. Сын писал старику обычные письма, иных видимых отношений между ними более не существовало — капитан Тротта освободился от длинного ряда своих крестьянских предков-славян. С него начался новый род. Округлые годы катились друг за дружкой, как хорошо пригнанные, мирные колеса. Сообразуясь со своим рангом, Тротта женился на уже не слишком молодой, но не бесприданной племяннице своего полковника, дочери окружного начальника в Западной Богемии, прижил с нею сына, вкушал размеренность здоровой офицерской жизни в маленьком городишке, ездил каждое утро верхом на

плац-парад, после обеда в кафе играл в шахматы с нотариусом, освоился со своим чином, со словием, своим достоинством и своей славой. Он обладал заурядными военными способностями и каждый год на маневрах заурядно проявлял их, был хорошим мужем, не доверял женщинам, не увлекался картежной игрой, был ворчлив, но честен на службе, заклятый враг всякой лжи, недостойного мужчины поведения, трусливой скрытности, многословных восхвалений и корыстных происков. Он был прост и безупречен, как его послужной список, и только гнев, иногда его охватывавший, заставил бы знатока людской породы почувствовать, что и в душе капитана Тротта темнеют глубины, в которых дремлют бури и непредсказуемые голоса безыменных предков.

Он не читал книг, наш капитан Тротта, и втихомолку жалел своего подраставшего сына, который должен был вскоре столкнуться с грифелем, доской и губкой, бумагой, линейкой и таблицей умножения и которого уже дожидались неизбежные хрестоматии. К тому же капитан был убежден, что и его сын должен сделаться солдатом. Ему и в голову не приходило, что какой-нибудь Тротта (отныне и до скончания рода) может заниматься чем-нибудь другим. Будь у него два, три, четыре сына — все они стали бы солдатами, но его жена была хилая женщина, нуждалась во врачах и лечении, беременность угрожала ее жизни. Так думал тогда капитан Тротта. Поговаривали о новой войне; он каждый день был готов к ней. Более того, он был почти убежден, что ему предначертано умереть в бою. Его добросовестное простодушие считало смерть на поле битвы есте-